

Олег Кудрин Жгучий Крапива, или Аффттар жжот

И снова ушел один из наших... Что-то слишком часто стали прощаться. Руки тянутся к клавиатуре, но тут же тормозишь себя. Неохота становиться записным некроложником. И еще... глупая, наверно, мысль, но как будто боишься взглянуть: "Так, о ком еще не писал?". А боль копится в сердце и мыслях, отравляя то и другое. И просится наружу.

Так что — занавес! (Все-таки речь идет о режиссере.)

1990 год. Февраль. Студклуб ОГУ, актовый зал и окрестности. Обновленная (по сути — новая) команда КВН "Джентльмены ОГУ" с лихорадочной решимостью готовится к первой игре сезона — четвертьфиналу с задиристой, злой столичной МАГМой, как говорят, обожаемой московской же съемочной группой КВН.

Для постановки домашнего задания худрук Ян Гельман пригласил и представил команде Валентина Крапиву. Трудно представить, какая это Сенсация (не ошибка — с большой буквы). Отношения у великих стариков, мягко говоря, непростые. Классический вариант: два медведя — и вдруг в одной берлоге на Французском бульваре. Кстати, Валерий Хаит, еще один медведь КВН, только-только эту берлогу покинувший, четыре года назад пригласил Крапиву так и не решился. Но Гельман очень опасается поражения ("Надрать Одессу все мечтают!") и играет в КВН ва-банк.

И вот домашнее задание. Чтение. Самая точная рифма к нему — изумление. Мы, молодые авторы, сильно удивлены, что же так не смешно вышло. Столько шуток и сцен не вошло...

А ведь мощный старик Шева (Шевченко Игорь Евгеньевич, Царствие ему Небесное) при моргающем махании головой старика Остули (Осташко Сергей Александрович, дай Бог ему здоровья и долгих лет) говорил нам, что задача стариков — в куче приносимого нами, молодыми, навоза находить жемчужины юмора. И мы этих жемчужин накалили, как нам казалось, горы. Старики, с тем же Гельманом во главе, хохотали, падали. А как свели все вместе, то хоть убейте ("С удовольствием!" — оригинально шутят из трех углов из четырех имеющихся в комнате), но не смешно.

"Понятно! — говорит Крапива. — Выигрывать опять будем за счет режиссуры". И, хохотнув своим коротким фирменным смехом, выходит из комнаты. Закрывает дверь, не так чтобы хлопнув, но и не тихо — именно так, чтобы все поняли насколько ему все понятно. Гельман ругается шепотом и уже раздумывает, не пора ли расставаться с Крапивой прямо сейчас. И тогда же в сотворчестве Гельмана и любимого как народом, так и командой капитана Пелишенко появляется чеканная — на века — формула нашего КВН: "У всех будет смешно, а у нас красиво и..." (тут — волнообразное движение кисти капитанской правой руки сверху вниз) выстроено!"

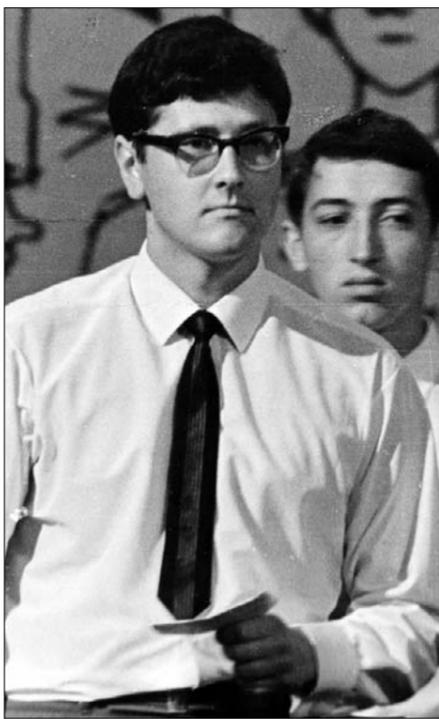
Крапива, как мудрый всевидящий Кутузов (уже потерявший, если не все, то Москву — как минимум, однако же, не проигравший!), берет сутки на размышление. И... завхозы команды получают распоряжение купить много метров красной и зеленой шелковой ткани. А также несколько метров бруса (дойм на дойм). По слухам, именно эта фишка должна обеспечить нам победу в "домашке".

Наш Кутузов себя не бережет и достает из широких, почти казацких штанин тяжелый пластмассовый сверток с аккуратно сложенным инструментом. И сбивает из принесенной стальной мануфактуры четыре длиннющих (3 — 4 метра) вымпела — два зеленых и два красных. А дальше — обыкновенное чудо.

Обыкновенное чудо режиссуры. Вымпелы превращаются то в красные знамена, то в зеленые парки или вместе — в красные транспаранты в перпендикуляр зеленоющим деревьям. Еще движение, мгновенное перестроение — и это уже изящный салон или будуар с дорогой шелковой обивкой. Получается так волшебное красиво, что за д/з можно не волноваться. Тем более что шутки, полушутки и недошутки везде, где возможно, плотно добыты трюками и гэгами. Да и приветствие (или, как сейчас говорят, "визитка") параллельно очень даже выстраивается, накачивается. Оно и шутками набито плотно, и (сверху вниз — правой ладонью, ну, вы помните) выстроено.

Гельман заметно веселеет, мысленно радуясь своему мудрому решению пригласить Крапиву, потому что с "Валей все же можно работать". Да и вслух Ян Альбертович, объясняя окружающим, что он гений не во всех сферах творчества, самокритично признает: "Да, я, конечно, никогда не придумаю красных и зеленых флагов, как Крапива..."

Вот только третий постановочный конкурс — "музыкалка"... Ее нет и нет. Взамен старики подробно объясняют молодым, что в КВН такого конкурса никогда не было. Одесса и нынче против, мы ж, ё-моё, "всегда пели под Грига и Моцарта", а тут эта вонючая попка вокруг... Рассуждения точны и благородны, как слова самураев по поводу низости пулеметов и револьверов. Как возмущения Чап-

лина по поводу звукового кино или раннего Тарковского — по поводу цветного. Но играть все же надо — с "музыкалкой". А ее нет. И уже пора садиться на поезд, поскольку до игры осталась неделя.

Посадка. "Богатые, во фраках и бабочках, одесские джентльмены" (трафаретный текст членов жюри Гусмана и Голованова) едут, как положено, в плацкартном вагоне. В купе — только Гельман, которого как раз прихватил радикулит (по словам Крапивы, разумеется, дипломатический; он же — медвежий, "от страха"). И едет Альбертович через пять вагонов. Какая неаккуратность — ведь Крапива-то здесь, рядом с командой. На неокрепшие детские умы 20 — 30-летних балбесов...

Итак, великий Валентин Владимирович едет в плацкартном вагоне, чуть ли не на самой плохой боковой полке. И это понятно. Ему, как истинно большому режиссеру, нужен хороший текст, чтобы в лицах остроумно показывать, как он едет в плацкартном вагоне, чуть ли не на самой плохой боковой полке... И как он поэтому близок актерам и молодым авторам.

По слухам, болеющий Гельман героически с Одессы еще работает над "музыкалкой". И вот, вот — оно! Это, конечно, не полный вариант, черновой, но его уже можно начинать "разводить". Листочки с гельманскими иероглифами доставляются в плацкартный вагон его верными палачинами. И вот кто-то читает что-то нечитаемое. А потом тишина, нарушаемая, как пишут романисты, стуком колес.

"Неплохо!" — неожиданно говорит Крапива, забирая на просмотр листочки. Кое-кто из неопытных с облегчением вздыхает. Крапива же на секунду как бы вчитывается в гельманскую скоропись и произносит: "Очень неплохо — для тяжело заболевшего человека". И лезет в свою дорожную сумку, аккуратно набитую инструментом и всякой полезной всячиной.

Зрители с надеждой следят за большим режиссером. Крапива достает большой блокнот, карандаш и садится поудобней, насколько это возможно в плацкартном вагоне (каждое из последних слов актерски отыграно гениально). "Бугы-га-га!" — говорит Крапива. — Музыкалки нет. Потом что то г...но, которое передал Гельман, не музыкалка".

Кто-то из стариков пытается спорить. Крапива легко соглашается, что представленная "музыкалка" гениальна. Но тут же предлагает режиссировать ее тому, кто пытается спорить. Споры прекращаются. Крапива же, захватив стратегическую инициативу, объясняет всем, что достаточно нам несмешной красивой "домашки", а "музыкалка" желательна смешная. Ну, конечно, это в том случае, если мы хотим выиграть. Хотя он лично с теми людьми, которые тут сидят, еще не играл. И не знает, может быть, они не очень хотят выиграть... Нетрудно догадаться, что отвечают люди, которые "тут сидят".

"Тогда давайте писать "музыкалку", — уже спокойно и деловито говорит Крапива. И все понимают, что действительно нужно писать музыкалку. Но как? Как, если до того не написали за полтора месяца?.. "Панима-а-аеш,

старик! — Крапива обращается к кому-то из самых молодых и незаслуженных. — А вот это и есть КВН". И когда все проникаются серьезностью момента, несколько легкомысленно добавляет: "Бугы-га-га".

Сцена выстроена. Зритель захвачен. Кто прима, объяснять не нужно, но прима должна объяснить, как писать "музыкалку". "Очень просто! Как мы с Юркой Воловичем делали. Или с Макаровым... Нужно разогнаться. Это один из методов. Для начала надо говорить любые слова, но в настроении, в образе. Вот я в настроении, в образе. Конферансье: "Вы-СТУПА-А-АЕТ!"

Мы разогнаемся, говорим какую-то чушь. Крапива ждется, но не слишком, чтобы не спугнуть выступающих. И повторяет снова, снова: "Выступает!.. Выступает!.. Выступает!.. Ну, давайте, давайте — сейчас пойдет настроение. Выступает!.." И мы снова долбим, долбим это "Выступает!.."

Вдруг у кого-то прорывается абсолютно не смешное, но очень нужное "...великий, могучий...". Другой подхватывает: "...на редкость живучий..." Крапива лихорадочно записывает. Штук еще нет и пока не нужно, но уже ясно, кто будет петь — хор советского народа (ведь понимание происходящего, упорядочивание смехового хаоса, "выстроенность" — это и в самом деле не капитанская придурь, а самое для нас важное).

"Так, хорошо, начало есть, — говорит Крапива. — Итак: "Выступает великий, могучий, на редкость живучий..." Но как он это произносит — ГИТИС есть ГИТИС. Обаяние, лучистая энергия в зал (то есть в глубь вагона). И нам уж вправду кажется, что написаны не шесть слов, а где-то четверть "музыкалки".

И дальше пойдут шуточки — конферанс, переделки песен, смешные строчки... Крапива только успевает записывать и руководить этим творческим потоком, в котором уже нет ни молодых, ни стариков, ни актеров, ни авторов. А все вместе — команда Одессы, надежда Одессы. Банда! В лучшем смысле этого слова. И "музыкалка" будет, как мы хотели. Как он хотел. И выигрывает она у ОЧЕНЬ красивой "музыкалки" МАГМы... После чуда режиссуры это было второе чудо, подаренное Крапивой: чудо программируемого сотворчества.

То есть два больших конкурса в дебютной игре мы выиграли благодаря, в первую очередь, ему.

Будет много радости, творчества, пахоты, споров, ссор, помоев. Ну, все, как у одесских пиитов: "Когда б вы знали, из какого сора..." И это все не по окончании сезона. А по окончании одной игры. После которой работать с "Джентльменами ОГУ" Крапива уже не будет. Однако и выгнать из университета студклуба, куда его взяли на ставку в качестве гонорара, не удастся. И он тут задержится на десятилетье-другое, исполняя все положенные по штату обязанности...

Валентин Владимирович был человеком многогранно, всесторонне, ренессансно одаренным — одесский да Винчи... да нет, скорее — наш одесский Ломоносов эпохи миллениума. Он одинаково классно работал руками, головой, лицом, всем телом...

Как он переплетал книги — сложная обложка, и с тканью, и с кожей, и с невестой как нанесенной, но к месту, виньеточкой. И с идеально точным, аккуратным обрезом. Да любая из этих книжек, одна, в середине века стала бы ему пропуском в мастера гильдии книгоделов. Книги вообще были, пожалуй, самым сильным из многочисленных его увлечений. И это, кстати, показательно. Внешне деловитый и практичный, Крапива был куда менее прагматичным в сравнении с тем же Гельманом, внешне финансово легкомысленным. Это проявлялось во многом, но ярче всего — в хобби. Ян Альбертович собирал талеры (и в молодости Крапива ему в этом подыгрывал, мастерски исполняя роль "эксперта"), которые с каждой большой переменной в стране становились все дороже и дороже. Валентин Владимирович — книги, к началу 90-х практически обесценившиеся. Потому что это были не какие-нибудь первые издания Гоголя и Чехова или издательства "Academia" под управлением расстрелянного Льва Каменева. Нет, это были книги для чтения, а не коллекционирования/вложения денег: малотиражные мемуары, уникальные вестерны, заботливо переплетенные запретные романы, выданные из "толстых" журналов. Бесценные только в условиях сумасшедшего советского книгоиздания.

Помню, как однажды во время очередного авторения Крапива зашел в одну из студклубовских комнат и начал что-то заботливо вымеривать своими рулетками. Через неделю все стены комнаты были густо увешаны профессионально сделанными стендами с выставкой "НЛО — гости ниоткуда". Планировалось, что студенты и преподаватели универ-

ситета будут платить какие-то деньги за то, чтобы это посмотреть. М-да... Гешефт в духе шолом-алеихемовских героев и с теми же, разумеется, результатами.

Крапива был уникальным одесским патриотом. Ведь он на волне популярности одесского КВН, да еще после ГИТИСа, в 70-е годы довольно успешно начал работать в Москве, на Гостелерадио. Но вскоре вернулся. В его пересказах невозможность пребывания в столице была изображена с большой убедительностью: злые москвичи держат крепостных одесситов на черновой работе, выжимают из них все соки и всячески тиранят. На самом деле, по-моему, он просто был из тех людей, кто не могут жить нигде, кроме Одессы.

Он не раз признавался в том, как любит комедию дель арте. Как хочет поставить что-то в этом духе. Но все не получалось. Все соглашались, что выход под музыку из вахтанговской "Принцессы Турандот", конечно, очень эффектен, но вот что делать дальше?.. А у меня сложилось впечатление, что Крапива играл комедию дель арте в жизни. Склоки, интриги, хитрейшие авантюры в коллективах, которыми он руководил или к которым просто имел касательство, строились по лучшим классическим образцам.

Это было чистое искусство. Скандала. Одесского. То есть чисто искусство скандала ради искусства скандала. И, в конечном счете, все это не имело ни малейшего практического (финансового) смысла. Потому что высшей точкой любой интриги было то, что Крапива мог любого неплохо, а то и хорошо относящегося к нему высококого начальника, любой, заботливо выращиваемый им коллектив послать на три буквы. И с гордым спокойствием выйти из комнаты, как бы играя актерский этюд "А что, что-то случилось?.."

Признаться, я очень любил Крапиву. Но не настолько, чтобы в последние годы общаться с ним чаще одного раза в год. Для этого его нужно было любить безумно, как замечательная жена Тася. Или как любимая дочка Кузя (я ее знаю только под этим именем и не хочу знать другого). Насмотревшись в богемной жизни много разного, Крапива к женщинам был строг. Измену коллективу (ушла с парнем из чужих) судил строго, как измену Родине, и изгонял из коллектива немедленно. Но так же строг был и к себе. Редко у кого я видел такое верное, такое трепетное отношение к жене. И к дочке. Он держался за них, как за единственную надежную опору в неверном и склочном мире...

Как-то я рассказал, что мне нравится самому верстать материал для своего журнала, подбирать и форматировать фотографии. "А шрифты?" — спросил Крапива. "Что шрифты?" — "Шрифты у вас есть?" — "Конечно", — "Ну, смотри... Может, купите?" И он начал показывать мне десятки разработанных им шрифтов (некоторые — на мой взгляд, не лучшие, слишком уж навороченные, "режиссерские" — выложены на его сайте). Многие мне очень понравились. Я взял образцы. И даже кому-то показывал в Москве. Только — вот ведь беда — я же тоже не умею торговать шрифтами.

Его называли "старомодным", а он, противопоставившись годик, потом осваивал любую самую сложную новинку. Сначала он отключил компьютер как факт. И когда я неосторожно сказал, что начал набирать диссертацию на тетином ч/б ноутбук (технологично приклеив двумя кусочками пластыря ниточку с правой стороны монитора, чтобы не выйти за пределы поля и вовремя нажать Enter), то был жестоко отхлестан Крапивой за продвинутость, за то, что бегу впереди моды. Однако прошло несколько лет — я оставался все таким же лохом. А Крапива живо освоил едва ли не все дизайнерские программы до уровня "аффттар жжот". После чего начал самозабвенно верстать листовки, афиши, книги и оформлять сайты.

Да вообще, кажется, не было такого дела, такой работы, которой он не умел делать. Или не захотел сделать. Или хотя бы не попытался. Только (вот ведь беда) XXI век — не время универсалов и энциклопедистов. Нужно уметь "торговать шрифтами". Побеждает тот, кто строит жизнь по законам строгого "бизнес-плана", а не дурацкого "плутковского романа". Но я, наверно, и сам дурак, потому что любое алогичное джазовое Крапивино поражение мне милее просчитанного попсового успеха.

Впрочем, что я о поражениях? Ведь сколько у него было и побед: стэмзовских, кавэновских. А сколько книг.

Да и шрифты его, может быть, когда-нибудь все же оценят.

А еще — по секрету! — про запас есть стопка написанных им и нигде не изданных жанровых романов...